

— Сергей Юрьевич, на минувшей неделе, безусловно, главным событием был Петербургский международный экономический форум. Но ему предшествовало совещание у главы Российского государства, где Ваши коллеги представили свои планы. Правда, только об одном реальном плане мы знаем более подробно. Я имею в виду Бориса Титова и Столыпинский клуб. Собственно, о предложении Кудрина и правительства мало что известно, какие-то очень общие фразы и некие реперные точки, не более того. Вот на Ваш взгляд, почему по итогам этого совещания отсутствует принятое решение?

— Ну, видимо, не предполагалось принятие решения, поскольку президент в рамках существующей Конституции делегирует вопросы экономической политики правительству, вопросы денежной политики — Центральному банку. И задачей этого совещания было сравнение или презентация двух программ из трех, которые делаются сегодня по прямому поручению главы государства. Третья программа, к сожалению, представлена не была, это программа Торгово-промышленной палаты, которая разрабатывалась под руководством известного промышленника Константина Бабкина. Я думаю, что она тоже будет востребована. Поскольку президент последовательно ставит задачу роста промышленного производства, роста реального сектора. Он не смог добиться от правительства опережающего развития. Потому что в условиях сжатия денег никакого опережающего развития быть не может. Ведь опережающее развитие требует опережающего денежного предложения. Для того, чтобы выйти на темпы роста, как у них сейчас, 6,5% в год, нужно иметь инвестиции не менее 14% в год роста. То есть 1% роста ВВП требует 2% прироста инвестиций. Это некоторая эмпирическая закономерность, характерная для всех стран. А 2% рост инвестиций требует примерно 4% прироста денежной массы. То есть если мы денежную политику ориентируем на экономический рост, мы должны понимать, для того, чтобы поднять экономическую активность на 1%, нужно на 4% поднять денежное предложение. И эти эмпирические закономерности, к сожалению, на нас тоже распространяются.

Как говорит один из монетаристов, нельзя отменить экономические законы. Вот мы и живем по этим экономическим законам. Когда мы сжимаем денежную массу, у нас никакого ни опережающего развития невозможно, ни даже простого воспроизводства. Обратной стороной этого совещания является та политика, которая реально проводится. Как бы ни принимались решения в Кремле, Центральный банк уже объявил о своей денежно-кредитной политике на ближайшие три года.

Вот правительство смотрит по трехлетнему бюджету. И возникает вопрос: а как эти программы, которые требуют немедленной реакции, могут быть вплетены в ткань реально существующей технологии регулирования управления экономикой. По всей видимости, никак. Это показал опыт всех программ, которые демонстрировались как со стороны официальных властей, так и со стороны интеллектуальной и продуктивной элиты страны. Фактически жизнь как бы идет своим чередом, программы принимаются, цели объявляются, но между словами и делами, как говорил Леонид Ильич Брежнев, дистанция огромного размера. И она почему-то становится все больше и больше.

— Но это лукавство такое?

— Нет, это не лукавство, это просто неуправляемость нашего экономического развития. Потому что мы живем до сих пор в состоянии догматической схоластики. Такая детская болезнь, Вы знаете, когда можно много говорить и ни за что не отвечать. Вот примерно в таком состоянии сегодня исполнительная власть.

— Но это когда ребенок так поступает. Когда взрослые люди — как-то это странно смотрится.

— 25 лет этих так называемых реформ, о которых так много говорится на форуме, так и не обеспечили нам ни эффективного государственного управления, ни эффективно работающих основ бизнеса. И рассуждения о том, что надо больше частного бизнеса и меньше государства, мы проходили многократно, это просто слова, за которыми не видно реального механизма экономического роста. Для того, чтобы добиться реального механизма подъема экономики, нужна ответственность. И я возвращаюсь к поручению президента, которое было дано пять лет назад по запуску механизма стратегического планирования. Если мы соединим стратегическое планирование с частной инициативой, если мы в рамках частно-государственного партнерства выйдем на совместные планы модернизации и развития экономики, и на базе соглашений между государством и бизнесом выстроим механизм индикативного планирования, где каждый будет отвечать за свою часть — бизнес за освоение капиталовложений, за создание новых рабочих мест, модернизацию и развитие производственных мощностей, а государство будет создавать условия для того, чтобы эти капиталовложения были прокредитованы. В этом, собственно говоря, задача денежных властей — обеспечить кредитование развития. Тогда мы сумеем наладить тот механизм взаимной ответственности, взаимного доверия между государством и бизнесом, о котором так много говорят, но практически от этого доверия не прибавляется. Это сложная работа, которая заставит бюрократию делиться полномочиями.

Потому что сейчас бюрократия делает вид, что она чем-то управляет, а бизнес делает вид, что он подчиняется. И поэтому у нас все время идет холостой ход. Для того, чтобы сцепить инициативу бизнеса и государства в общей программе развития, необходимо иметь положительную обратную связь, когда бизнес берет на себя обязательства развивать экономику, а государство берет на себя обязательства создавать бизнесу для этого условия, в том числе обеспечивать экономику кредитами как важнейшим инструментом авансирования экономического роста, финансирования капиталовложений. То, что многие люди в экономических ведомствах в упор не видят опыта Китая, в упор не замечают индийское экономическое чудо, которое было великолепно представлено на форуме, где Индия была ключевым гостем.

Даже в той же самой многими любимой Европе. Тот же Европейский центральный банк вновь вернулся на путь денежно-промышленной политики. Кредитуют экономику под отрицательную процентную ставку, если кредиты идут в реальный сектор. И

коммерческие банки поощряют за то, что они проталкивают деньги в производственную сферу, обеспечивая стимулирование инвестиционной активности. Вот эти примеры положительного международного опыта, рекомендации ученых игнорируются, потому что тем, кто сегодня управляет деньгами, так удобно. Без планов, без ответственности, нет прямых растрат, есть какая-то прибыль. У прокурора вопросов нет — слава Богу, так сказать, все в пределах закона...

— Но при этом и влияние сохраняется. То есть в их руках денежная масса.

— Так что форум, следует сказать, местами был очень интересен. В частности, было много «круглых столов», посвященных современным информационным технологиям. В разных ракурсах были представлены возможности блокчейна, который революционизирует бизнес-отношения и позволяет выстроить механизм доверия, который обеспечен не формальными показателями, а реальным опытом хозяйственной практики того или иного субъекта. Были интересно поставлены вопросы регулирования информационного сектора — электронной, цифровой экономики, которая очень бурно развивается, тогда как государство ее практически не замечает. Вот я подумал на одном из «круглых столов», если бы мы в индекс инфляции ввели бы показатели цифровой экономики, включая то, насколько дешевет сегодня единицы вычислений и информационные услуги, насколько их много новых появляется, то, может быть, в таком случае наша инфляция была бы не 4%, а минус 4%. А Центральный банк продолжает сжимать, ориентируясь только на потребительскую корзину средневекового разреза. Вот эти современные подходы — они тут присутствуют, но они как бы висят в воздухе.

— Не внедряются.

— Да, мы с точки зрения использования этих новых технологий, их ориентации на повышение производительности труда, к сожалению, ничего кроме общих слов пока сказать не можем.

— Форуму предшествовало заявление, которое в буквальном смысле всех шокировало. Это к вопросу о словах. Министерство экономического развития заявило или, правильней сказать, слило информацию о том, что роста по пенсиям, по доходности в ближайшие 20 лет не будет. Рост — 0%. Это, пожалуй, самое такое шокирующее заявление, которое прозвучало. Причем наши с вами соотечественники вообще не понимают о чем идет речь, задаются вопросом: как такое возможно?

— Помните песню «Все хорошо, прекрасная маркиза»? Это вот примерно из той оперы. Доходы населения падают, инвестиции падают, конкурентоспособность экономики снижается. Инфляцию вроде бы удалось зажать. Поэтому «все хорошо, прекрасная маркиза». Так сказать, у нас экономика стабилизировалась. То, что потеряли 15 триллионов продукции, минус пять триллионов не смогли сделать инвестиции, население на 20% потеряло доходы, банкротство зашкаливает — это ничего так. И данная песня, можно сказать, гимн нынешнего экономического блока правительства. И рефрен: могло бы быть и хуже.

— Так, а куда же еще хуже?

— Их лейтмотив, что могло бы быть и хуже. Хотя, хуже, чем у нас, это только, наверное, Украина, по понятным причинам. Еще Бразилия, которая идет ровно по тому же пути, что и мы. Есть две страны в мире, которые реализуют рекомендации Международного валютного фонда — Россия и Бразилия. В Бразилии народ более темпераментный, поэтому там это все видно. А у нас люди как-то приспособиваются, слава Богу, терпения хватает. И есть надежда, что у нас хватит времени для того, чтобы эту политику развернуть в интересах экономического роста. Интеллектуальный потенциал у нас востребован процентов на 20.

Очень много разговоров здесь на форуме про инновации, новые технологии. Вот я был недавно в Мордовии. Там за счет внедрения новых технологий, создания великолепного научно-технического парка, который представляет собой хороший пример соединения власти и науки, рост промышленного производства вышел на темп 20%. Там нет ни нефти, ни газа, дешевых денег. Там всё люди делают своими руками. Но нельзя этот рост сделать взрывным на всю страну, если нет кредитов, если некому это поддержать. Вообще, для того, чтобы нам выйти из этой новой реальности на путь экономического роста, все возможности налицо. На единицу сырья, которое мы производим, экономика выпускает в десять раз меньше продукции, чем Финляндия, Европа, Япония, и теперь уже Китай нас опережает. Мы что, не можем свое сырье перерабатывать в полном объеме? Конечно, можем. И технологии у нас есть. Можно бесконечно говорить про кризис. Но кризис сегодня — это структурные изменения. И нужно ловить волну, где эти структурные изменения ведут в экономический рост.

— Мне кажется, такими заявлениями, они, наоборот, провоцируют ухудшение ситуации. Ведь речь идет о социальной сфере, о пенсионном обеспечении. Мало того, что еще эта постоянная идея о повышении пенсионного возраста, которая нервирует наших с Вами соотечественников. Так еще эта провокация по поводу отсутствия роста пенсий на ближайшие 20 лет...

— Это беспомощность, неспособность достигать очевидные цели экономической политики. Любое успешное государство сегодня в качестве целей экономической политики ставит рост благосостояния людей. Для того, чтобы добиться роста благосостояния людей, нужен рост производства. Рост производства связан с ростом доходов. Для того, чтобы запустить рост производства, требуются инвестиции. Причем инвестиции в конкурентные производства, которые бы поднимали технический уровень экономики и позволяли улучшать ее положение в международном разделении труда. Но для этого нужны кредиты. Этот замкнутый круг может быть отрицательным, как у нас, когда денежная масса сжимается, а может быть положительным, когда государство управляет деньгами и создает условия для экономического роста. У нас тоже социальное государство. Поэтому задачей правительства и Центробанка является не борьба с инфляцией, как они считают, а повышение уровня жизни людей. И для этого есть все возможности, мы можем выйти на темпы роста не менее 8% в год, который будет сопровождаться ростом заработной платы и доходов.

— Но ничего подобного от правительства мы не слышим.

— Потому что инвестиции в новые технологии за счет кредитной эмиссии они не любят. Им нравится кредитная эмиссия для спекулянтов, которую сегодня Центральный банк реально осуществляет. Он кредитует экономику, создает деньги, но для спекулянтов. Но это не работает для роста производства. Если мы создаем институциональный механизм, который основан на внедрении новых технологий, мы автоматически повышаем рост производительности труда, повышение конкурентоспособности и рост заработной платы. Люди, которые говорят, что нужно заморозить заработную плату и доходы граждан, они не понимают механизм развития современной экономики. Современная экономика развивается прежде всего за счет вложений в человеческий капитал.

— Но Ваш главный оппонент Кудрин тоже говорит, что необходимо в человеческий фактор вкладываться.

— Нужно посмотреть в динамике эти процессы. Не просто статический разрез, что нужно дать больше денег на образование. Но при этом мы должны понимать, что зарплата — это тоже источник финансирования образования, у нас половина образования платная. Поэтому просто говорить о том, что нужно поменять бюджетные приоритеты и больше дать денег на образование и здравоохранение — это правильно. У нас недофинансирование примерно двукратное этих сфер по сравнению со среднемировым уровнем. Но, в первую очередь, нужно дать возможность людям поднимать свои доходы, повышать заработную плату. Для этого нужен рост производительности труда, чтобы не было инфляции. А для этого нужны деньги для капиталовложений.

— Не надо ставить телегу впереди лошади, получается.

— Подводя промежуточный итог, задача, которую поставил президент: взять из всех этих наработок лучшее взаимосочетаемое и предложить ему некую реальную программу экономического развития, она, в принципе, выполнима, если мы разглядим эти программы в динамике. Поскольку программа, рекламируемая Кудриным, она столь же бесполезна, сколь и безвредна, то к ней можно пристроить программу Столыпинского клуба. Эта программа вполне реальная, в ней нет пустых слов про реформы и показаны конкретные пути увеличения капиталовложений для развития экономики. А вслед за этим пойдут и бюджетные доходы, и рост заработной платы, и рост ассигнований на образование и здравоохранение.

Необходимо отказаться от определенных догм. Например, для того, чтобы поднять денежное предложение, мы должны обеспечить целевое использование кредитов. Мы не должны допускать их переток на валютный рынок и на спекуляции. Для этого, как ни крути, нужно совершенствовать валютное регулирование и контроль. От этого, как черт от ладана, шарахаются те, у кого деньги за границей, у кого там офшоры, они жутко боятся валютного контроля. Но без валютного регулирования мы не сможем

дать за счет государства больше денег на инвестиции. Потому что, действительно, появятся жулики, которые начнут перекачивать это все на валютный рынок, это уже было много раз.

Но Валютный фонд на сегодняшний день вынужден считаться с тем, что Китай и Индия не обходятся без валютного регулирования. И они согласились взять юань в резервные валюты, хотя юань не свободно конвертируемая валюта по капитальным операциям. И это признание необходимости контроля за своими деньгами, потому что денег стало избыточное количество. Как я уже много раз говорил, идет взрывная денежная эмиссия во всем мире. И в итоге если мы откажемся от этих вот догматических табу, мы можем даже попытаться склеить правительственную программу, если сделаем упор на так называемые специальные инструменты рефинансирования. Это те инструменты, которыми уже владеет Центральный банк, но использует их очень незначительно.

Благодаря этим инструментам, сегодня, например, развивается сельское хозяйство. Через механизмы льготного финансирования агропромышленного комплекса сельхозпроизводители имеют возможность получать кредиты под 7-8%. И поэтому идет реальный подъем в сельском хозяйстве, работает импортозамещение, тоже благодаря регулированию спроса, за счет продовольственного эмбарго по отношению к нашим главным конкурентам. Вот государство в области сельского хозяйства как-то склеило механизм дешевого кредита с механизмом стимулирования спроса за счет продовольственного эмбарго.

— Пора это реализовать и на других направлениях.

— Системным образом. Такой же механизм работает для малого бизнеса. И за счет этого там, где он работает, малый бизнес растет и дает хорошие результаты. Мы на военно-промышленном комплексе освоили технологию контроля за целевым использованием денег. Там есть уполномоченные банки, которые контролируют, чтобы деньги, выделяемые на оборонный заказ, никуда не уходили. То есть у нас есть в зачаточной форме все необходимые инструменты. Есть механизм рефинансирования — тоже специальный инструмент под выделение денег для проектов правительства, где требуется одобрение Минфина. Этого не происходит. Минфину капиталовложения, видимо, не нужны. А Минэкономики у нас вообще не понятно чем занимается. Так вот, если мы этот инструмент заведем в инвестиционные программы субъектов федерации...

Центральное правительство в деньгах для инвестиций не нуждается, в отличие от субъектов федерации. У каждого субъекта федерации перечень проектов. Каждый старается поднять экономическую активность. Вот про Мордовию я говорил. В Белгороде, в Липецке, в Курске, на Дальнем Востоке, на Урале — везде предпринимаются попытки стимулировать инвестиционную активность за счет использования всего арсенала государственного регулирования. И президент в своем послании говорил о специнвестконтракте. Такие специнвестконтракты упомянуты в Законе о промышленной политике, они реализованы впервые были, по-моему, в

Пермском кране. Они себя хорошо показали. Но нет механизма их финансирования. Бизнес эти специнвестконтракты вытягивает за счет собственных доходов. Нужны кредиты.

Так вот, если Центральный банк будет проводить специальную кредитную линию под специальные инструменты рефинансирования для коммерческих банков, которые кредитуют, в свою очередь, эти специнвестконтракты, которые обеспечиваются договорами между бизнесом и субъектами федерации, это даст денежный поток, и мы получим взрывной рост инвестиций. Взрывной в смысле освоения новых товаров, новых продуктов, новых технологий, расширения выпуска... Таким образом, мы можем эти программы соединить. Но узким местом является, опять же, денежная политика. Нужно просто эти программы развития наполнять деньгами.